

По доброй традиции советские люди из года в год встречают Первомай новыми большими успехами в труде.

Ко Дню международной солидарности трудящихся коллективы сотен предприятий, вдохновенные первомайскими Призывами ЦК КПСС, досрочно завершили выполнение своих четырехмесячных планов...

Приметы весны — в труде краснодарских колхозников, уже начавших сбор зеленого чайного листа, и в успехах летчиков гражданской авиации, начавших аэросев, в новых подвигах под Обращением Всемирного Совета Мира...

Пусть еще не всегда солнечно теплы дни, — все равно весна берет свое. В садах, аллеях и скверах уже наливаются, набухают почки, вот-вот зашумят деревья первой весенней листвой.

Улицы и площади столицы нашей — Москвы, городов и сел всей страны начинают надевать праздничный наряд. В иппеини творческого трудового соревнования идет по советской земле Первомай.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 51 (3396)

Четверг, 28 апреля 1955 г.

Цена 40 коп.

УСПЕХ ИДЕИ ПЕРЕГОВОРОВ

Важнейшие решения, принятые конференцией в Бандунге, попрежнему находятся в центре внимания международного общественного мнения.

Даже те, кто с раздражением и недоверием относился к союзу конференция, вынуждены теперь признать ее историческое значение. Препятствия 20 стран, собравшиеся в Бандунге, принадлежат к различным политическим взглядам. Между ними были разногласия, были споры. Тем не менее они нашли общий язык.

Опыт Бандунга показывает, что именно этим языком должны разговаривать между собой страны, искренне заинтересованные в ослаблении международной напряженности. Вместе с тем бандунгские решения, осуждающие колониализм, еще раз показали всю близорукость и иррациональность политики, которой придерживаются агрессивные круги США...

Многие думали и передумали люди завода, высказывая возможность сэкономить несколько сот станко-часов, — выискали, сэкономили, а затем полтора года в виде литейного брака. Многие думали и передумали люди завода, избравшие передовые приемы обработки деталей и сборки узлов, но все их усилия, все их разумные соображения не дали результата.

По своему большому опыту работники завода знают, как дальние пойдут дела. Они знают, что кому-то по министерству объявят выговор, кого-то, может быть, даже с работы снимут и где-то пропозител очередной «аврал», после него иски и вал, хотя и с запозданием, но придут на завод.

Начальник большого цеха на заводе назвал мне и еще одну серьезную проблему в мобилизации всех внутренних резервов: недостаток творческой смелости, неспособность быстро принять решение.

Доказательство были, как говорится, «под рукой». В то время на заводе строилась первая паровая турбина сверхвысоких параметров.

Создание турбины было большим событием для инженеров, мастеров и рабочих, для группы талантливых конструкторов и металлургов, в содружестве с которыми работали люди завода. Но были и неприятности. Когда узлы пошли на сборку, в цилиндрах, отлитых из жароупорных сталей, обнаружился мелкий трещинки.

Опасны они или не опасны, эти трещинки? Вот прямой вопрос, на который ожидали работники прямого ответа. Десять представителей министерства, главка, научно-исследовательских институтов, различных заинтересованных учреждений кружили вокруг этого важного вопроса. Собирались совещания. Произносились речи. Выступавшие косились на стенографистов и прибегали к таким резинovým формулировкам, о которых самый искусственный юрист не мог бы сказать, что они означают: «за» или «против».

На этот раз вырвалась приглашенная для консультации академия, ради которой создали еще одно совещание. Старый ученый задремал в середине выступления очередного оратора. Но слышал, видимо, все, что ему нужно было, потому что вдруг спросил, притерев один глаз:

«Точно количество трещин здесь могут назвать?»

«Гипотетически испытания делала?»

«Делали...»

«Можете ставить цилиндр на сборку. Мой собеседник рассказывал об этом с гордостью за смелого ученого, принимающего на себя всю ответственность, и с горечью за своих нерешительных товарищей по заводу, главному министерству.»

Источником этой неслучайности некоторых инженеров завода открылся довольно быстро. Оказалось, что им не на что бывает даже опереться, чтобы смело решить судьбу таких ответственных деталей, как, например, цилиндр с трещинами. Дело-то в том, что лаборатория завода, строящего турбины высоких параметров, оказалась, не имея средств для проверки всех свойств испытываемого металла. Лаборатория должна, например, получить вестив машин для проверки металла «на ползучесть», а имеет только тысячекратные две машины.

Министерство тяжелого машиностроения давно и отчетливо знает о состоянии этой и других заводских лабораторий, но решительно ничем не помогает заводу.

Работники министерства как будто бы даже и не понимают, что эксперимент — важнейшее оружие инженера, технолога, конструктора в такое время, когда создается качественно новая техника.

«На заводе работает очень талантливые коллектив конструкторов, — убежденно говорил мне главный инженер завода М. Бушнев. — Любые задачи современной техники ему по плечу. Но он порой почти построил серию новых крупных паровых турбин, строя газовой турбины, а лаборатория, предназначенная для того, чтобы отработать узлы таких турбин, еще не имеет, лаборатория еще сооружается.»

«Причина?»

«Несмелость... И откуда взялась смелость, если директору завода дано право израсходовать не более двухсот рублей на какой-нибудь прибор для лаборатории. На большую сумму он должен испрашивать разрешение у министерства... Но это уже другой разговор — о сегодняшних правах директора. Это — особое дело...»

Тов. Бушнев, конечно, прав: это серьезный вопрос, но мне думается, что чем скорее об этом заговорить, тем полезнее будет для дела, для привнесения в действие всех резервов производства.

Мы помним, что было со старым заводским токарем, когда его пытались сделать конструктором, но обеспечить необходимым инструментом. История повторяется, только в более широком масштабе.

Работники социалистической промышленности!

Боритесь за выполнение плана производства, обеспечивайте ритмичную работу предприятий! Вскрывайте и используйте резервы в промышленности, добивайтесь дальнейшего укрепления трудовой дисциплины, улучшения качества и снижения себестоимости продукции!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1955 года)

Резервы — в действии!

Дела не так давно минувших лет: Ленинградский металлургический завод имени Сталина выпустил первую паровую турбину высоких параметров.

Выпуск ее задерживался из-за медлительной обработки ряда узлов и деталей, в том числе многотонного вала ротора. Эта ответственная деталь должна была вращаться в агрегате со скоростью 3.000 оборотов в минуту. Дожидая математики подсчитали, что при такой скорости вал ротора, если его поставят на рельсы, в полчаса домотается из Ленинграда в Москву.

Но пока что он разражается меленно вращался на большом ленточном станке в глубине широкого, как Невский проспект, пролета. Здесь горела многосветлая лампа под абажуром, роняя световой круг на станок, вал и невысокого плотного селозелого токаря Георгия Ивановича Мелехова, одного из знаменитых заводских стариков.

У него — спокойное, строгое лицо, чисто вымытые руки. В своем аккуратном, выштопанном каше, меховой шапочке, похожей на ермолку, и старомодном пенсне он напоминал старого хирурга во время операции, особенно в ту минуту, когда властно приказывал подручной:

«За резцом в инструментальную, живо!»

Георгий Иванович промедлений не терпел. Сам же он был нетерпелив. Просьбы мастеров на него не действовали. С графиком технологов он тоже не посчитался и назидания на обработку вала свое время.

«Восьмью часами... И можете быть довольны, если вал на обточивание, — холодно отвечал он каждому, кто пытался уговорить его ускорить процесс.»

«А вы все отклонения не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

«Вот же, поставьте к станку другого. А я вал с отклонениями не выпущу отсюда.»

Вот в прошлом году, например, запланированную по БРПЗ сумму экономии здесь превысили почти втрое.

Правда, тогда вырнула одна комплексная бригада, завершившая свой труд по созданию штамповочных камер рабочих колес турбин, предназначенных для Куйбышевской ГЭС. Штамповочные камеры, заменявшие литье, произвели на одном из участков ситроубинового производства полтинный переворот. Его значение можно оценить лишь тогда, когда видишь это производство, где простую гайку с трудом уносишь на плече, а детали сложное весадесятки и сотни тонн, измеряются везижами. Камера рабочего колеса имеет высоту трехэтажного дома. Этот «дом» приходилось по частям отпирать с большой «прибылью», а потом обрубить и терять много металла. Этот «дом» поодолгу кружили на уникальном карусельном станке, и потом уже его ставили на другие станки...

Прозвонистые камеры сэкономили много металла, сэкономили восемьсот станко-часов...

Надо видеть и станок-великан с его особым полземным хозяйством, которое управляет разом тремя тоннами машинного масла, чтобы понять, что такое станочник в таком производстве. Всего завод выиграл на штамповочных камерах миллионы рублей.

Комплексная бригада, предложившая штамповочные камеры, вплотную подошла к еще более важной и трудной проблеме: созданию штамповочных лопастей воздушных турбин. Если бригада благополучно завершит и этот труд, завод сэкономит еще большую сумму государственных средств. Но подсчитывать доходы рано, пока еще только иду. О них нетавно два участника бригады локализировали на заседании в Академии наук СССР. Там выступили член-корреспондент Академии наук СССР главный конструктор бюро валовых турбин Н. Ковалев и электросварщик А. Сидоров.

Проникательные изменения и на других участках производства.

В паротурбинном цехе я побывал на стенде во время испытанной паровой турбины мощностью в сто тысяч киловатт. Это — значительное событие для всего коллектива работников, но меня поразила его бунтливость. Испытания начались в восемь утра и закончились в восемь вечера. Не было ни сумятицы, ни шумов, ни невольных вспоминаний, что происходило на этом стенде в 1948 году во время таких же испытаний, когда люди не уходили со стенда неделями и только ночью забирались в контору подкреплять часок.

На этом же стенде испытывалась уже турбина сверхвысоких параметров. Некоторые узлы такой турбины работают на электростанции раскаленным тобелем, и там можно увидеть, как они светятся, если приподнять толстый слой изоляции, покрывающий их. А страшную силу давления, которое они при этом испытывают, мы могли бы ощутить физически, если бы, присутствуя, попытались удержать на вытянутом мысленно десятипудовую гиру.

По в том же цехе я видел на днях, как паровоз потанца в выходе две платформы, нагруженные бракованным чугуном и стальными литьем.

Резервы поехали. — Опечаленно сказал начальник сборки Дьяковский, прощая платформы таким взглядом, каким провозжат катафалк. И мы должны понять его печаль. У него на стенде только что закончилась испытания одной турбины и началась сборка другой. Дьяковскому нужны детали на сборочном стенде, а они отправлены на «кладбище».

Звьяны в этих бракованных деталях были обнаружены разными путями. Некоторые детали были «зарублены» сразу ОТБ. Другие через ОТБ прошли благополучно и попали на разметочную плиту, но здесь замечик обнаружил несоответствие отливки с чертежом. Третьи «пробрались» к станкам, но подверглись беспощадной браковке после обирки резцом. Четвертые прошли даже чистовую обработку, но не смогли выдержать гидравлические испытания — страшного напора воды под давлением в несколько сот атмосфер.

«Вот они, и платформы... вздохнул Дьяковский. — Слишком уж много поставили вам некачественного литья.»

«Кто поставщик?»

«В основном Ленинградский машиностроительный завод имени Ленина. Дьяковский вспоминал, как два года назад, по причине такого же большого количества брака чугуна и стального литья, областные организации забили тревогу, и на завод был прислан целый отряд металлургов. После такого «аврал» положение с литьем несколько выправилось. Но прошло время, повывенлись требования к литью, и паровоз опять потанца платформы с бракованными деталями.»

«Вот и сейчас надо ожидать «аврала». Телеграф уже отстукивает тревожные депеши в Москву по поводу плохого качества литья. Ленинградский металлургический завод имени Сталина шлет также серьезные сигналы о том, что Уралмашзавод не

Яркие приметы

Первомайские Призывы ЦК КПСС вызвали горючий отклик в сердцах ленинградцев. Они борются сейчас, чтобы выполнить план пятой пятилетки к 1 октября 1955 года. На строящихся домах — надписи с обязательствами досрочно завершить работы.

На прудеюкую вахту встал сталевары завода подъемного транспортного оборудования имени С. М. Кирова. План апреля по всему производственному циклу они решили завершить к 29 числу.

В канун праздника с новым патристическим призывом выступили инженеры Кировского завода, с призывом о внедрении новой техники и прогрессивной технологии.

На металлургическом заводе имени И. В. Сталина, на заводе имени Карла Маркса, на многих других промышленных предприятиях сейчас подводят итоги сделанного в преддверии славного праздника.

А есть и другие вестники Первомая. Распускаются розы, тюльпаны, лебком... Идет подготовка пионервожатых, направляемых в пионерские лагеря... В большом споре спринтеры, рюкзак, альпинистское снаряжение...

В городе много салов, парков. Десятки миллионов корнев одолетных цветов, множество роз, лилий, якоряк, какан будут высажены в этом году на Петроградском стороне, на Васильевском острове, на Марсовом поле, во дворах новых жилищных домов Московского, Сталинского, Свердловского, Калининского районов.

Воронеж дает стране экскаваторы и валковые мельницы, электромашинные сортировки и мостовые конструкции, телевизоры и продукты сельского хозяйства, цветы и песни.

С радостью и гордостью поздравляли мы недавно пятерых артистов Воронежского русского народного хора с присвоением им почетных званий. Колхозной дояркой начала свой жизненный путь Мария Молдавская, сейчас она — заслуженная артистка РСФСР...

«Со станции отправляется товарищ поэт. Опытные железнодорожники легко узнают, чем нагружены вагоны. От них опынноще пахнет розами. Это настоящий живой сад на колесах. На пол вагона насыпан голубой слой земли, и сюда прямо с корнями высажены кусты роз.»

Эти цветы из питомника, что на станции Тресвятская, близ Воронежа. В конце марта розы послали в Севастополь, в середине апреля — в Сталинград и Саратов, сейчас подготовляются к отправке цветы для заводов и городских салов Москвы, Ленинграда, Липецка.

А в колхозах уже идет сев подсолнечника и ранних колошк, началась сев свеклы. Вот-вот зацветет терн, и тогда — проверенная народным опытом примета — самое время севть кукурузу. Миллионы янтарных зерен лягут в землю, чтобы шедрым урожаем вознаградить тех, кто потрудились хорошо, честно, с душой.

Вот они: твердосплавные резцы: осяскает станков; свет в цехе. Все пошло на подьем в пролетах большого цеха и на участке обработки валов, когда токаря получили новый режущий инструмент, когда в цехе наконец-то остеклили обшитые в годы войны фанерой потолок и стены.

Из таких, казалось бы, незначительных элементов и складывается культура производства. Но им сличном уж часто не приходится должного значения, о них попросту забывают. В том же цехе начальная участка сборки узлов парорегулирования В. Балагуров долго и с увлечением рассказывал мне, как комплексной бригаде удалось в десять раз сократить время на испытании коробки, поазойшей пар в турбину: он рассказывал еще о целом ряде интересных новаторских приемов работы, принесших заводу большой выигрши.

И вдруг спохватился, будто позавид что-то простое и важное, и показал на остекленный потолок, покрытый слоем грязи.

«Послушайте, ведь не зря туза вгляди шелест стекла! Понимали, верно, что это так!» А вот сейчас — забыто. Не ходят руки отмыть грязь... Вот вы спрашиваете, где у вас резервы? А сегодня о том же спрашивал людей в цехе. Говорил с фрезерщиком Бороудулиным, а это человек, знаменитый не менее Мелехова. И он ответил с сердцем: «Где резервы? А они — вот они! Под грязью спрятаны. Я, говорит, смотрю на потолок и вижу сквозь него, что там солнышко играет. А на станке я его не вижу. Над станком у меня электрическая лампа. Для чего, говорит, она мне в дневное время? Только на первый действует...»

На заводе подсчитали, что мобилизация внутренних резервов должна дать в 1955 году семь миллионов рублей экономии. Пифра выглядела «всего», грубо, «рямом». Когда ее называли рабочим, мастерам, инженерам, не нашлось человека, который сказал бы, что оно было бы завышена, взята с потолка. Скорее могли сказать другое, — что на заводе поскромни-

В подшефный совхоз «Большевик» Джетыргайнского района, Кустанайской области, выехала делегация комсомольцев Кагановичского района Минска. Она доставит первомайские подарки своим товарищам, осваивающим целинные земли: музыкальные инструменты, спортивный инвентарь, книги, оборудование для радиоузла.

Много подарков отсылает на целинные земли молодежь Минска. Комсомольская организация «Белтрудохоза» послала в совхоз «Моктыкульский» патефон с набором пластинок, Библиотеку, состоящую из 1.500 книг, готовит коллектив Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина.

У АЗОВСКОГО МОРЯ

Фото А. Узлина

Для молодежи новых совхозов

В подшефный совхоз «Большевик» Джетыргайнского района, Кустанайской области, выехала делегация комсомольцев Кагановичского района Минска. Она доставит первомайские подарки своим товарищам, осваивающим целинные земли: музыкальные инструменты, спортивный инвентарь, книги, оборудование для радиоузла.

Много подарков отсылает на целинные земли молодежь Минска. Комсомольская организация «Белтрудохоза» послала в совхоз «Моктыкульский» патефон с набором пластинок, Библиотеку, состоящую из 1.500 книг, готовит коллектив Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина.

СМОЛЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ

В. ШАПОШНИКОВА

ЖУЧ, да непрочен
весенний мороз.
Ночью он планирует по дере-
вьям, тонким злым
ветром выдувая из хат тепло. К утру
настывает, окренет, словно собирает силы
для наступления. А поднялось солнышко,
и от кучи унававшего с воя ветра за-
струился легкий пахучий парок.

По влажному асфальту мнут машины.
Починались и вздрагивая, катятся цепной
стог лыжной соломы-тресты. Тяжею гро-
хочет в кузове кирпич, посылая дорогу
розовой пылью. Вот из-под горы показались
еще одна машина. В кузове — коровы, по-
родистые, улитанные. Куда повезли их,
в какой колхоз?

Лошадь и машины движутся непрерывно.
Везут они лес, моторы, мебель.
Как радует это оживленное движение на
смоленских дорогах, это выражение деловой
заботливости на лицах людей. В про-
шлые годы темп жизни здесь был иным.

В последний раз была на Смоленщине
около полтора лет назад.
Это был тяжелый, «мокрый» год. Дождь,
начавшийся в сентябре, не переставал до
глубокой осени.

Пашин разбухли, распались, уборочные
машины застревали в грязи, и жалки
поэтому серпами, под проливным дождем.
Не было в колхозах помещений, где могли
колхозники высушить, обогреть свою
уражай. Хлеба прорастали в скирдах.

Помню, в одной из деревень я зашла на
мельницу — сорос бревенчатое здание на
берегу ручья. По деревянному помосту, во-
круж прохлещущих жерновов, ходил человек
и что-то подсыпал из мешка в воронку.
Тонкая струйка серой пыли сбегала по
желобку в ларь, стоящий на земле.

— Что у вас в мешке? — спросила я
мельника.
— Ох, — ответил он с горечью и до-
бавил: — Сорная она нынче, один костер.
Голова болит с такого хлеба.

Печаль и уныние исходило от необу-
раченных полей. Думалось, нужны еще многие
годы, чтобы поднять эконоимику колхозов.
Прошел всего год, и оказалось, что можно.
Можно поднять хозяйство и вдохнуть эту
деловую уверенность в людей.

При выезде из Смоленска я обратила
внимание на старый, пожелтевший от вре-
мени плакат. Пролетные лопаты, сдувае-
мые ветром с крыши, звонко шелестели
о бумагу, и один из углов плаката размок,
готовясь вот-вот соскользнуть со стены.

Текст плаката порадовал своей неожидан-
ностью. Краткий и категорический, он, как
старый солдат, призывал к бою:
— Не валяйте дурака.
— Стройте крытые токи!

Шофер из Починок, словоохотливый,
ловкий человек, лет тридцати пяти, с ко-
торым я добиралась до села Мурыгино, за-
метил плакат, пояснил:
— Давидно у нас, сыро. Вот прошлый
год и поднимали люди на строительство.
И газеты об этом писали и такие плакаты
расклеивали. Секретарь райкома на собра-
нии выступил: «До каких же пор, —
говорил, — у нас урожай под дождем бу-
дет гнить?»

— Это что же, местная инициатива?
— Зачем местная. По всей области
строят крытые токи, сушилки, зернохрани-
лища. В этом году о силосных бапках го-
ворят, о траншеях. Взялись поднимать хо-
зяйство, без этого тоже нельзя.

— Почему тоже? Без чего же нельзя
еще?
— Так ведь без людей что сделаешь! —
воскликнул он и, помочив с минуты, про-
должал: — Люди у нас нынче много. Все
новые. И в райкоме, и в райисполкоме, и в
отделе культуры. Как начали приезжать,
здесь прямо переворот. Председатели кол-
хозов, которые раньше, сразу нить по-
бросали, думали на прежней должности
удержаться. Только ничего уж не помогло
и — перешли на рядовую работу. Знаете,
как после этого люди воспрянули,
в себя поверили, а с верой все можно сле-

В печати уже
сообщалось, что
по инициативе
Правительства
Германской Демократической
Республики был рассмотрен вопрос о
показе картин Дрезденской галереи в
Москве перед отправкой их в Гер-
манскую Демократическую Республику.
По договоренности
Правительства ГДР и СССР картины
Дрезденской галереи будут
выставлены в Москве, в Музее
Изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина. Выставка
откроется 2-го мая 1955 года.
Сегодня мы публикуем очерк о том,
как советские воины в
первой Великой Отечественной войне,
во время боя на территории
Германии, спасли картины
классической живописи из
собраний Дрезденской галереи,
представляющие собой величайшую
художественную ценность
мирового значения.
Авторы очерка — офицеры
Советской Армии, участники
спасения картин Дрезденской галереи:
Л. Волынский, ныне писатель
и художник, и командир батальона
В. Перовский, в настоящее
время секретарь Запорожского
райкома Коммунистической
партии Украины.

Ранним майским утром 1945 года наш
батальон в числе других частей фронта
вошел в город Дрезден.

Еще в конце апреля, когда определилась
цель наступления нашей армии, многих
солдат и офицеров заинтересовал вопрос о
судьбе Дрезденской галереи, всемирное
значение которой известно каждому культурно
образованному человеку.

«Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Спя-
щая Венера» Джорджоне, полотна кисти
Рембранта, Веласкеса, Рибера, Гольбейна,
— нельзя было не думать об этом, прибли-
жаясь к Дрездену.

Варварскую тактику американской
авиации мы уже достаточно хорошо
знали и слышали, что Дрезден подвергся
жесткой бомбардировке. Но то, что пред-
ставляло нашим глазам, превзошло все
предположения. Город лежал, разрушенный
до основания. Причем наибольшим раз-
рушениям подвергся именно Альбштадт —
старая часть города, район жилых домов,
дворов, церквей, театров, музеев и архитек-
турных памятников.

Наш батальон расположился в районе
Дрезденской бойни, заняв одно из
участков зданий. Тотчас же небольшая
группа направилась в район Вингера,
где, как известно, находилась Дрезденская
картинная галерея. Мы выехали вместе с
офицером Захаровым и бойцом Кузнецовым.
Ориентируясь по крупномасштабной карте
города, пробравшись сквозь кирпичные
дуги, с трудом отыскавая дорогу.
Подъехав к Вингеру, мы увидели то,
чему трудно было поверить. Вингер, как
и все вокруг, лежал в руинах.

Зодиче Маттеусе Даниэль Пешпелман,
Готфрид Семпер, скульптор Балтазар Перо-
верт и сотни безымянных мастеров оста-

Не могло быть и тени сомнения в том,
что американские летчики отчаянно видели
свою цель: Вингер представлял собой
замкнутый, четко очерченный прямоуголь-
ник зданий с большой внутренней террито-
рией — двором. Самое место его расположе-
ние, рядом с центральной городской пла-
цью и оперным театром, представляло
определенный и явный ориентир.

Ошестоявшие увиденным, оставив ма-
шину, продираясь сквозь выщербленные,
искаленные осколками ворота центрального
входа, Шебенг печально хрюстят под
ногами. Весь внутренний двор усыпан
обломками камня, штукатурки, кусками
скульптуры.

Шаг за шагом обходим всю территорию,
карабкаемся по развалинам, входим сквозь
проломы в те части зданий, где уцелели
куски стен, и тщательно осматриваем их.
Среди обломков нет ни одного кусочка
обгоревшей рамы, ни клочка холста. —
словом, ничего, что свидетельствовало бы
о гибели картин во время бомбежки.

Сама собой напрашивается мысль о том,
что в это время картина в здании галереи
уже не было.

Эта мысль вскоре нашла свое подтвер-
ждение. Обойдя территорию Вингера ста-
ружи, мы наткнулись на человека в граж-
данской одежде, сидевшего на обломках
с этаким видом.

Он назвал себя Францем Э., бывшим
студентом Дрезденской академии худож-
еств, в начале войны он был призван и
отправлен на Восточный фронт, потеряв
ногу под Старой Руссой. Вернувшись в
Дрезден инвалидом, он еще некоторое время
посещал академию. Семья его погибла от
американской бомбы, и он остался без
крови и средств. Жил в каком-то чулане,
в полуразрушенном флигеле при академии,
и писал этюды руин. Он назвал их своим
«реквиемом» Германия.

Впервые я видел он русских так близко.

Взялись опять за
дел, в районе-то сейчас
чуть не десятки колхоз-
ов-миллионеров. А ведь
не было ни одного. Ста-
ли люди распределить доход — себе не ве-
рают. Теневые все работы требуют...

На одном из перекрестков дорог мы уви-
дели человека, стоявшего, подняв руку.
— Егоров, да никак это ты? — удивил-
ся шофер, останавливая машину. — Ка-
кими ветрами? Или опять в отпуск?
— Да нет, — ответил тот, усаживаясь
на заднее сиденье. — Решил совсем
вернуться. Дела-то, они вон как повернули.

И они повели разговор о выгодах, кото-
рые сулит сегодня работа в колхозе.
Мы ехали по территории Починковского
района. По сторонам расстились снеж-
ные поля, кое-где пересеченные ложина-
ми, заросшими кустарником. Но полям
давались темные точки. Это колхозники
вывозили торф для удобрения полей. Иногда
сквозь голые ветви ветвей мелькала серия
цементных обелисков на братской могиле.

Вскоре машина затормозила возле не-
большого, обшито тесом здания. Это был
Мурыгинский сельский клуб.
Я вышла на шоссе. По обеим сторонам
его, на холмистой равнине, раскинулось
село Мурыгино. Мне говорили, что оно
большое, а домов не видно. Лишь побли-
зости несколько строений — серый бревен-
чатый дом с маленькой подполковой вы-
веской: «Магазин сельпо». Подала камен-
ное здание школы. За плетнями три-четы-
ре избы, да на другой стороне, за обширным
колодезем с произвольно скриничным
воротом, за сараями и дворами, — ажурное
колесо ветродвигателя. Глядя дальше, на
холме, сквозя стволы и тонкие ветви бер-
езы, выдвигались еще несколько строений,
и казалось, опять обрывалось село.

— Сколько же здесь домов? — спроси-
ла я выткнувшего из машины шофера.
— Да с полсотни будет!
— Это их обслуживает клуб?
— Затем же, — ответил он, взмахивая
рукой. — Мурыгинский сельсовет велик.
Противились со своими спутниками, я
направилась в этот клуб по узкой утрам-
бованной тропке, а машина покатила
дальше, в районный центр Починок.

Человеку, видевшему мраморные лест-
ницы и бархатные портьеры дворцов куль-
туры, небогатим покажется убранство
сельского клуба. Деревянные скамьи, че-
тыре десятка стульев, зеленые песочные
занавески, разделяющие просторную ком-
нату на две части: зрительную залу и сцену.
Написанные маслом портреты лучших
любителей и доярок на стене. Обеденной
обязательство починковских колхозников
добиться миллионов доходов в каждой
артели района, несколько диаграмм и пла-
катов — вот все, что хватывается глаз при
входе. И теснота здесь и совсем не жарко.
В соседней комнатке круглолицая де-
вушка-библиотекарь работает в пальто.

Но здесь, в этом скромном домике, в
глубине Смоленщины, в гуще оселений,
затерялось движение интеллигенции, ко-
торое называют мурыгинским, и придает ему
в области большое значение.

Ничего нового это движение в себе не
закладает. В любой области или районе мож-
но найти немало примеров участия интел-
лигенции в культурно-просветительной ра-
боте на селе. Но после того, как в конце
прошлого года в газетах был опубликован
призыв мурыгинцев и обком партии под-
держал инициативу, движение обрело ма-
ссовый характер. Сотни кружков самоде-
ятельности, хоронные коллективы, новые
детские — все это создано в последнее
полгодие, все это существует реально.

Некоторые здесь не только интеллигенция,
в областном управлении культуры мне
рассказывали о том, как дорожкуе
школьницы, взвизывая распространять кни-

ги, положили начало
созданию многих лич-
ных библиотек колхоз-
ников. А что значит
книга в доме, когда от-
ли люди распределить доход — себе не ве-
рают, убоить небогату смоленскую
землю, как заставить ее давать богатые
урожаи и какие выгоды несет новая для
этих мест культура — кукуруза.

И тем более радовалось это движение, что
всего лишь год с небольшим назад здесь
была так запущена культурно-просвети-
тельная работа!
Мурыгинское движение возникло, как
ручеек, как Днепр, который берет начало
среди лугов Смоленщины, растекалось по
району, по области, вышло за пределы ее.

— А как возникло? — спрашивала я у
мурыгинского библиотекаря — круглолицей
девушки Полины Умаркиной.
— Да просто. Сначала жаловались на
скуку, на то, что проходит мимо жизни,
а заводящийся клубом слаб, неактивен и
исчезает. Жаловались потому, что пони-
мали — не должно так быть, но все будто
ждало: кто-то придет и все исправит. А
потом увидели, как колхозники взялись за
свое хозяйство, и поняли мы, что своими
силами можно многое в клубе сделать. Со-
брались мы, обсудили и стали работать.

— И все?
— И все. Впрочем, нет, не совсем это
верно. Появились дела, появились и про-
блемы. Говорите с нашими людьми, они
расскажут...

Они рассказывают мне об этих делах и
проблемах, учителя и медицинские работ-
ники села Мурыгино. О том, как их подде-
ржали в обком партии, как смоленские
художники написали и подарили клубу порт-
реты передовиков сельского хозяйства, —
радость была большая. А потом из области
приехал режиссер, показал основы работы
художественной самодеятельности, присла-
ли грим, стулья, что в клубе.

Какие разные они, эти люди, но как
воздух их всех начато дело, как беспло-
дится о том, чтобы развивалось оно, рос-
ло, шло в глубину.

— Не хватает нам материалов для дек-
ции. Хотела недавно рассказать о вреде
алкоголя. Всею библиотеку перерыла, ни
одной брошюры не нашла, ни старой ни
новой. — говорит фельдшер Ольга Ва-
сильевна Буцацкая, строго поглядывая
сквозь толстые стекла очков.

— А няя брошюра есть, да что в ней
полезно. Ни убежденности, ни личного сло-
ва. Возмещать и думать: ну зачем автор
есть написали! — возмущенно восклицает
акusherка Елена Андреевна Ермак. Она со-
всем другая, невысокая, порывистая, с ко-
лодичным взглядом глубоко, знающих под
ладью глаза. Речь ее, точная и меткая,
передает своеобразия смоленского говора.

— Где родилась вы?
— Да тут же, в Мурыгино. В том доме,
что на горе меж берез, — ответила и про-
должает: — Здесь много дел. Еще не все
понимают значение культурно-просвети-
тельской работы. Пришла недавно в колхоз
читать лекцию о санитарии и гигиене, а
председатель отмахивается: «Вы мне про
колоды да про бани не говорите, не сму-
шайте народ. Занимайтесь культурой, чи-
тайте про атомную энергию». А разве
колоды и бани — это не культура? Ведь
повер, что в Мурыгино всего два колодца!

Проблем здесь не перечислять. Учителя —
тех беспокоит другое. Они здесь возлага-
ют художественную самодеятельность.
— Не знаю нот. Чувствую, что нужно
расставить хор по голосам, а как, не умею,
— жалуется Евгения Тимофеевна Новикова.
Тоненькие брови ее округляются, еще
более обостряется носик, и все это придает
лицу выражение огорченного удивления.

— Вот если бы у нас в школе был учи-
тель пения, как в Сергеевском сельсовете,
совсем по-другому пошла бы работа.

У них учитель — скри-
пач. Там хор — на удив-
ление всему району. Да-
же леды поют. — И,
вдохнувшись, в раздумье продолжает: — В
деревню учитель пения важнее, чем в город.
И почему их только не готовят!
— Нет рокнитога, большая нужда в
спектаклях, психе, особенно на тему о мо-
рали. Их народ ждет и принимает всегда го-
рячо. — об этом говорит Наталья Демьяно-
ва Романовича, руководительница драма-
тического кружка.

— Нравится ли вам это дело?
— Все забывают и о болезнях, которые
мучают с тех пор, как простудилась в пар-
тизанах, и о своем горе. Муж погиб во
временной войны. Осталась вдвоем с дочкой. Тоже
валя, убивалась. А сейчас снова чувствую
себя молодой. В работе с народом словно
черпачишь новые силы...

В один из вечеров в Мурыгино появился
кинемеханик Можаров, опытный работник,
пятидцать лет конюший «в своем апарате»
по Починковскому району. Я обратила
внимание на его худощавое скула-
стое лицо, освещенное большими, чуть
выпуклыми глазами мягкого коричневого то-
на. Когда он, видимо, по привычке смот-
реть на экран, вскидывает глаза вверх,
линия лица смягчалась, обретали одушевлен-
ность.

— Что будете показывать? — спросила
я Можарова.
— «Кто смеется последним». Комедия.
А народа, наверно, будет мало.

— Почему?
— Детям не понравится. Они у нас
организаторы сбора. Все картины смотрят
первыми и разносят по домам впечатления.
— Так разве ребятам можно показывать
все подряд?
— А что же делать? Детские фильмы
не дают, а выполнения плана требуют.
Впрочем, у нас и взрослые жалуются.
Почти нет картин о жизни деревни, а уж
если попадет такая, как «Свадьба с при-
даным», в клубе не пробыть. Можно но-
же поджидать — не упадет, столько бывает
народу...

На этот раз кинемеханик ошибся. Народу
пришло много, столько, что в зале стало
тесно. Отраженный экраном свет освещал
ряды людей, внимательно и серьезно сме-
рившихся к экрану. Кто-то из зрителей
вспыхивал яркий свет, и лица зрителей
поворачивались к экрану. Тогда становил-
лось видно, что в кино в основном мо-
лодежи. Они пришли не только посмотреть
картину, но и потанцевать после сеанса. И
сразу прекратился равномерный треск кино-
аппарата и раздвинули ряды, гармонист
заиграл «На сопках Маньчжурии». Кто-то
скомандовал: «Вальс со звездочкой», — по
залу мелодно и церемонно пошли пары.
Они танцевали по воле распорядителя ве-
чера, который был тут же в кругу и, тан-
цуя, одновременно покрикивал:

— Прогуга, барышня врозь! — И па-
ры чинно расходились по сторонам.
— Четыре пары на круг! — Мгновенно
образовывались круг, внутри которого
танцевали лишь избранные. А компания зву-
чала снова:
— Барышни выбирают кавалеров!

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

У них учитель — скри-
пач. Там хор — на удив-
ление всему району. Да-
же леды поют. — И,
вдохнувшись, в раздумье продолжает: — В
деревню учитель пения важнее, чем в город.
И почему их только не готовят!
— Нет рокнитога, большая нужда в
спектаклях, психе, особенно на тему о мо-
рали. Их народ ждет и принимает всегда го-
рячо. — об этом говорит Наталья Демьяно-
ва Романовича, руководительница драма-
тического кружка.

— Нравится ли вам это дело?
— Все забывают и о болезнях, которые
мучают с тех пор, как простудилась в пар-
тизанах, и о своем горе. Муж погиб во
временной войны. Осталась вдвоем с дочкой. Тоже
валя, убивалась. А сейчас снова чувствую
себя молодой. В работе с народом словно
черпачишь новые силы...

В один из вечеров в Мурыгино появился
кинемеханик Можаров, опытный работник,
пятидцать лет конюший «в своем апарате»
по Починковскому району. Я обратила
внимание на его худощавое скула-
стое лицо, освещенное большими, чуть
выпуклыми глазами мягкого коричневого то-
на. Когда он, видимо, по привычке смот-
реть на экран, вскидывает глаза вверх,
линия лица смягчалась, обретали одушевлен-
ность.

— Что будете показывать? — спросила
я Можарова.
— «Кто смеется последним». Комедия.
А народа, наверно, будет мало.

— Почему?
— Детям не понравится. Они у нас
организаторы сбора. Все картины смотрят
первыми и разносят по домам впечатления.
— Так разве ребятам можно показывать
все подряд?
— А что же делать? Детские фильмы
не дают, а выполнения плана требуют.

Впрочем, у нас и взрослые жалуются.
Почти нет картин о жизни деревни, а уж
если попадет такая, как «Свадьба с при-
даным», в клубе не пробыть. Можно но-
же поджидать — не упадет, столько бывает
народу...

На этот раз кинемеханик ошибся. Народу
пришло много, столько, что в зале стало
тесно. Отраженный экраном свет освещал
ряды людей, внимательно и серьезно сме-
рившихся к экрану. Кто-то из зрителей
вспыхивал яркий свет, и лица зрителей
поворачивались к экрану. Тогда становил-
лось видно, что в кино в основном мо-
лодежи. Они пришли не только посмотреть
картину, но и потанцевать после сеанса. И
сразу прекратился равномерный треск кино-
аппарата и раздвинули ряды, гармонист
заиграл «На сопках Маньчжурии». Кто-то
скомандовал: «Вальс со звездочкой», — по
залу мелодно и церемонно пошли пары.

Они танцевали по воле распорядителя ве-
чера, который был тут же в кругу и, тан-
цуя, одновременно покрикивал:

— Прогуга, барышня врозь! — И па-
ры чинно расходились по сторонам.
— Четыре пары на круг! — Мгновенно
образовывались круг, внутри которого
танцевали лишь избранные. А компания зву-
чала снова:
— Барышни выбирают кавалеров!

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

Мягкое, весеннее тепло окутало Муры-
гино, это небольшое село Смоленщины,
интеллигенция которого вместе со всеми
тружениками села, вместе с миллионами
других советских людей идет наступление
на одном из передовых участков новой
жизни — на фронте культуры.

И было столько своеобразной прелести
в этих танцах, что не хотелось уходить из
зала, освещенного мигающей «молнией»...

А тут ночью отступил мороз. Подул теп-
лый, пахнувший свежей стружкой ветер.
Снег, еще вчера легко слетавший с вер-
шин сугробов и с крыши, вдруг тяжело
осел, набух и заструился тоненькими ру-
чейками. Над заросшей тальником лощи-
ной, как первое дыхание земли, повисло
прозрачное облачко тумана.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

И. ЭВЕНТОВ

«Поезд идет по России» — так называется заключительная глава романа Виссариона Саянова «Лена». Сорок семь дней шел поезд по России, увозящий прискажелей с берегов Лены — с «вольной горы», где парками сагами была пролита рабочая кровь. «Поезд мчался по России, а время летело еще быстрее и властно призывало шагнуть с ним по еще не проложенным путям».

Образ поезда, мчащегося из конца в конец великой страны, закономерен в этой книге. В ней повествуется о народе, который, пройдя через великие испытания, опередил время и шагнул по новым историческим путям.

Помнящая весна 1912 года, когда выстрелы в далекой тайге призывали к действию весь народ, была началом нового подвига революционного движения в России. По словам В. И. Ленина, общее беспорядочное существование в царской России вылилось в ленинских событиях так ярко, что зажгли массы революционным огнем.

Об этом и написан роман В. Саянова. Славные во времени события его протекают на громадном пространстве от Петербурга до Байдалы, от Невы до Омьки, от горного департамента на Васильевском острове до шахтерских барачков в тайге.

Люди самого разного звания, самых разных жизненных интересов вовлечены в поток событий: здесь и кондовые сибирские купцы, владевшие золотыми приисками на Лене, банкиры, сановники, биржевые маклеры, чиновники, политические, прискажалы администрации и жандармские офицеры.

Однако никто из перечисленных людей — ни купец первой гильдии Басов, потомок открывателей золотых россыпей на Омьке, ни бывший штатист Вольгарский, савонный делец-прошляда, преклоняющийся перед капиталистической Америкой, ни завсегдатай фондовой биржи Транзакции, ни хозяйский сапран Бахвалов, жестокосердый старик, ненавидящий всех прискажальских рабочих, ни даже лично-исторические, имена которых много раз называли русские газеты того времени, — главноуправляющий прискажальским Базелевым, горный инженер и чиновник Тульчинский, организатор расстрелянного жандармский ротмистр Тренченок, — никто из них не может претендовать на ведущую роль в сюжете романа.

Подлинными героями повествования являются те, кто штурмовал недра сибирской тайги, кто добывал великие богатства, теряя беспримерную жизнь, умирая от цинги, погибая под пулями, борясь и не сдаваясь. Целая галерея замечательных русских людей — тружеников, представителей «нижних» сословий — проходит перед читателем. Маленькие радости и большие печали сопутствуют каждому из них.

В расцвете лет погибает Луна — трагическая крестьянская девушка, бесконечно преданная в любви, брошенная своим непутевым другом и обесчещенная прискажальским начальником. Умирает Дуна, доведенная до бездельной болезни своим мучителем — жандармским урядником Палкинским. Встретившись в ружейном огне, падают замортово жизнерадостные, крикливо верные люди — кучер Яшка Лохматый, перкар Ахризон Микитин и Лесюки, сотни других. Живут через край нечеловеческие силы богатыря-качкаря Песа. А сколько терпелив, терпелив, благородства души в простых русских семьях Марюшковых и Медовых, в старике Касьяне Касьяновиче, в старом штейгере Навле Михайловиче, наконец, в коренном жителе тайги акуре Серже!

Один из интереснейших героев романа — Ванька Павлов, возлюбленный Луши. Худой, жилистый парень, известный на приске бражник, человек размашистой и веселой натуры, он, один из многих ты-

сяч, добравшись до «фарты» — нашел самородок. Предчувствие богатства выбило его из трудовой колеи, заставило позавидать друзьям и бросить любимую, растрастив силы и деньги в бессмысленном пьяном разгуле; нашедшие и люди, которые по указке хозяев помогли Ване «забыть» об отце и лишиться денег. Вернувшись на свою шахту — пришел метить тому, кто надругался над Лушей, над ним: добыл он нож и решил поколотить с Бахваловым. Но истинный путь борьбы за правду указал ему большевик Матушин.

Рядом с ярким образом Ивана Павлова стоит полный большого содержания образ Павла Матушина. Профессиональный революционер, большевик с 1903 года, привороженный к вечной ссылке в Сибирь, он становится любимцем рабочих. «Реконструкция» — говорит о нем шахтер. Между тем он наделен свойствами характера не исключительными, не из ряда вон выходящими, а именно теми, которые присущи простому, честному и справедливому русскому человеку.

Прямой и сильный, умеющий постоять за себя, не дать в обиду другим, нетерпеливый в решениях, темпераментный в споре, отважный в работе, верный в любви — таков этот герой, с жизнью которого нераздельно связаны все события и почти все персонажи романа.

Достоверно известно, что забастовка ленинских шахтеров, несмотря на крайне пестрый состав прискажальских рабочих, на чудовищные репрессии, которым они подвергались за малейшее осуждение, носила организованный и сплоченный характер. Это объясняется тем, что в стачечном комитете, а также среди делегатов и старост были большевики, которые возглавляли забастовку. Ставя в центре своего романа образ Матушина, показывая осязаемого большевика Урантцева, членов Иркутского полкового комитета, писатель прусет одну из славных страниц истории нашей партии — ее неустомимую, героическую работу в условиях жестокой реакции.

В романе отчетливо проводится мысль о громадном организующем значении партии в жизни народа, в развитии революции. Убежденности, ясности содержания романа способствует реалистическое изображение уклада жизни русских людей самых различных социальных слоев. Быт конисраторов — людей, посвятивших себя революционной борьбе, жизнь политической тюрьмы, дни и ночи на арестантских этапах, каторжный труд в мокрых забоях, невеселые будни прискажальных барачков и рядом — добротные избы управляющих и дома сибирских купцов, а дальше, за тысячей верст — юрки сановников и банкиров, залы биржи и кабинеты рестораторов, где торгуют трудом ленинских шахтеров, — все это создано с удивительным знанием жизни страны, для которой революция стала исторической необходимостью.

Достоинства романа особенно четко видны в сопоставлении его с повестью В. Саянова «Детство на Негаданном» (1939 г.), посвященная также ленинским событиям. В этой повести вместо живых картин быта, труда автор дает скорее историческую отсылку: скороговоркой были отменены и отзвуки ленинских расправ, и вся первая мировая война, и февральская революция. Роман «Лена» охватывает события, более ограниченные во времени (мы расстаетеся с героями ранней осенью 1912 года), но несравненно более глубоко раскрытые.

Многие недостатки прежней повести В. Саянова определялись ее построением. Центральным образом в ней был не большевик Матушин, а его сын Петь, от имени которого и велся рассказ. Этот прием определял интонацию повести, предвещая

частный успех ряда ее страниц, но значительно суживая масштабы изображения: события исторической важности были вставлены в рамки детского восприятия мира и местами утрачивали свой подлинный смысл, местами же устоялись образы самого повествователя, лирица его детства. Этот недостаток в романе — произведение, написанное заново; при общности материала и сохранении ряда прежних сюжетных мотивов автор подмечтал из повести для большого романа лишь несколько десятков страниц.

Надо заметить, что в романе автор не избегал определенных просчетов. Они выразились в неполноте отдельных образов (в частности, совсем не удалось автору образ меньшичника Кленова — у него нет ни лица, ни характера, она лишь «сумма идей»), и в невыразительности ряда деталей, от которых в одних случаях зависит четкость характера, в других — живость пейзажа, в третьих — точность художественных мотивировок.

О купце Басове, например, автор сообщает: «Красочная речь его, украшенная множеством местных слов, была ярена и весела». После этого мы много раз слышим речь Басова, но не замечаем ее особой красочности и совсем не видим в ней «множества местных слов».

Недостаточна выразительна и языковая характеристика Матушина, речь которого кое-где выглядит чересчур наставительной, риторичной.

В ряде глав, особенно тех, где рисуется «личная драма» Басова, походящая его любовница, жизнь петербургского полусвета, автор грешит приемами внешней, поверхностной беллетристики, от чего роман как будто выплывает в своей занимательности, но зато проигрывает в реалистической силе.

Пейзажи в романе впечатляющих, интересных. Здесь есть ряд несомненных удач, например, превосходная зарисовка внешнего вида (лихола) на сибирских реках. Но есть и досадное однообразие. В самых разных местах книги читаем: «за Байкалом, за снежными высокими гольцами... есть заветная страна», «загорелась над дальними гольцами узкая полоска зарей», «и небо над дальними гольцами медленно вылилось огромный красный шар» и т. п. Тот, кто знает прионский край, подтвердит, что горы, поросшие редким лесом, — «столбы» — беспримитивным видом своим придают ландшафту определенный колорит. Но известно также, что в искусстве характерность подчеркивается не однообразным повторением схваченной однажды художественной детали, а умением найти единственное для нее место, применить ее для создания целой картины.

Прочую автор употребляет рядом почти тождественные метафорические обороты. В конце 613-ей страницы можно прочесть: «Это мгновение вошло в себя пережитое за нынешний день, жизнь и гибель, муку и горе, и все еще не осознанную до конца смерть товарищей...». Но едва перевороти страницу, мы снова читаем: «и первый звук, нарушивший ее (тишину). — И. З.), словно вообраз в себя все больше только что пережитого страдания» и т. д.

В целом роман В. Саянова «Лена» займет достойное место в числе произведений советской литературы, рисующих героизм русского пролетариата и ленинской партии в предреволюционный период.

Интерес читателя к книгам, составляющим вместе революционную летопись рабочего класса, огромный, воспитательное их значение велико. И очень важно, чтобы каждое такое произведение сочетало в себе верность исторической правде, глубину и цельность характеров с совершенством и точностью художественного языка.

хипенно Ганнмеда) («Ганнмед в котлах ора») Рембрандта («Возвращение Ианы с охоты») Рубенса, «Портрет дочери Лавиния» Тициана и «Св. Аннеса» Рабери.

Мы были вне себя от радости и в первые минуты не обращали должного внимания на язык. Но когда затем посмотрели на него, то подумали о том, что же может быть в этом языке, если такая шедевр брошена в пыль навалом. Мы боялись верить своей догадке. Ведь «Сикстинская мадонна» была именно таких размеров.

Тем временем часть бойцов, остававшаяся снаружи, прочесывала овраг. В полударушенном домике был задержан человек, назвавшийся бывшим служащим Дрезденской галереи У. Как выяснилось, он был оставлен здесь для наблюдения (а возможно, и для более активной деятельности). Он подтвердил, что в ящике действительно находится «Сикстинская мадонна».

Опасаясь оставить эту картину хотя бы на короткое время в тонне, решили немедленно вывезти ее в батальон. Двигая вагон по рельсам, мы поняли, что это была старая откатка (потом стало ясно, что гитлеровцы, замуровав тоннель, спрятали снаряды рельсы и посеяли траву, чтобы уничтожить следы).

Нас всегда занимало, как в молчании выносили бойцы Сикстину из мрачного, заткнутого как могила, тоннеля. Бережно подняли ящик на грузовую машину. Не было чем расчистить, — ящик прикрывали руками, стоя в кузове, так мы отправлены в батальон, двигаясь на первой скорости, избегая малейших толчков.

У тоннеля была оставлена охрана — отделение сержанта Панченко («Сикстинскую мадонну» благополучно привезли в батальон. Присевшие ящик к стене, обнесли вокруг это место канатом и поставили круглоосуточный двойной пост. Можно было двинуться дальше, и необходимо было действовать в том же темпе, без всякого промедления. Следующим на очереди был замок Везенштейн, находившийся примерно в 18—20 км к западу от того места, где была найдена «Сикстинская мадонна».

Замок Везенштейн — угрюмое сооружение романского стиля, обнесенное высокими, массивными стенами с башнями и бойницами. Внутри, в мощном крупными камнями дворе, находил старого, полуседого клочьяра. С первого взгляда кажется, что здесь все пусто, глухо, заброшено. Но затем выяснилось, что на чердаке центральной части замка укрыто более четырехсот выходящих произведений живописи из Дрезденской галереи.

В наклонной, сухой жаре, в пыли лежали шедевры Веласкеса («Портрет Хуана Матеос», «Портрет старика с орденом Сан Яго»), Корреджо («Святая ночь»),

Рембрандта («Жертвоприношение Маноя»), Вермеера Дельфтского («У сводни»). Там были полотна Мантеньи, Креспи, Карло Маратта, Тинторетто, Паллы Веккио и многих других замечательных мастеров.

От жары и сухости корчились и давали трещины красочный слой. (И теперь еще, по всей вероятности, трудно измерить, какой ущерб был нанесен этой картинам).

В одном из помещений замка обнаруживаем двух человек, тихо сидящих в ожидании неизбежной теперь развязки событий. Один из них, Артур Г., оказался, как выяснилось впоследствии, тем самым центром, к которому должны были сойтись все нити. «Общественно-политический» и личный друг Гобсекова, он должен был выполнять чужовинный план своего патрона. В качестве «научного» консультанта при нем состоял профессор Вильгельм Ф.

Тогда мы еще не знали, с кем имеем дело. Но, так или иначе, с этой минуты никто не мог уже покинуть замок Везенштейн, и войти в замок также никто уже не мог. Тяжелые ворота закрылись, и старшина Черный со своими бойцами взял охрану замка в свои руки. Таким образом, сразу же была отсечена возможность связи центра с дивизионной агентурой.

События развивались стремительно. Батальон жил напряженной боевой жизнью. Разведка велась в нарастающем темпе, — наша группа появлялась в расположенных ночью, на два-три часа, чтобы постеть, поспать, поучить подкрепление и запастись горючим.

Выше командования пристально следило за ходом операции, и мы понимали всю меру своей ответственности. Пункт за пунктом охватывались разведкой, и все же многие шедевры Дрезденской галереи не были еще найдены. Известна была судьба полотен Рубенса, Тициана, Мурильо, Ван-Дейка...

И только на седьмой день поисков удалось расшифровать знак «Р. Л.».

Заброшенная известковая шахта между селами Йокау и Ленгенфельд, недалеко от германско-чехословацкой границы, — вот что крылось за этим знаком.

В затонувшем штрек этой шахты гитлеровцы бросили 350 немецких полотен. Вода, насыщенная известью, пропитывала полотно, проникала в мельчайшие поры, в трещины красочного слоя. Картинам угрожала близкая гибель. Необходимо было как можно скорее извлечь их оттуда.

По приказанию маршала П. С. Кочера мы получили в помощь автобатальон и группу погранвойск для усиления охраны. Из Москвы и Ленинграда прибыли искус-

ствоведы и реставраторы. Началось извлечение картин из затонувшей шахты.

Большинство их находилось в катастрофическом состоянии. Так, например, на «Вирсавии» Рубенса местами сильно выпучился красочный слой. (На знаменитых волосах Вирсавии образовались крупные пузыри диаметром до 5 см). Грозило осыпание красочного слоя. Ни о какой перевозке не могло быть и речи. Бойцы осторожно перенесли холсты к выходу из главной штольни. Там их приняли другие и поднимали наверх на специально сооруженных салазках, плавно и медленно скользящих по наклонно расположенным бревнам.

Наверху, под открытым небом, напряженно работали реставраторы. Они накладывали консервирующие наклейки, приостанавливая дальнейшее разрушения.

Территория вокруг шахты чем-то напоминала поле боя, а белые наклейки на теле Вирсавии выглядели, как перевязки.

В одном строю с офицерами и солдатами здесь за спасение картин сражались прибывшие из Москвы и Ленинграда искусствоведы и реставраторы — И. Соколов, С. Чураков, М. Григорев, художники — М. Володин, Н. Пономарев.

Из шахты были таким образом извлечены и спасены от гибели произведения мирового значения: «Линарий кесаря» Тициана, «Четыре сцены из жизни святого Зиновиуса» Боттичелли, «Мария с младенцем» Мурильо, «Суд Марса» Рубенса, «Портрет мужчины с перчаткой» Ван-Дейка и многие другие.

От командования фронты было получено срочное задание: извлечь картины, находящиеся в катастрофическом состоянии. И она была закончена. Картины, взятые под охрану, были перевезены в Советский Союз, где им были обеспечены наилучшие условия хранения, отвечающие всем требованиям современной науки.

Рафаэль и Боттичелли, Тинторетто и Вермеер, Корреджо и Веласкес, Рабери и Рембрандт, Рубенс и Ван-Дейк, Давер и Крауна, Гольбейн и Слайере — этот список спасенных картин можно было бы продолжать. Можно было бы подробно рассказать о самостоятельности наших солдат, об удивительно бережном отношении к каждой картине, проявленном всеми причастными к этому делу людьми.

Но факты красочнее слов. Дрезденская галерея возвращена германскому народу.

Она живет и будет жить в веках, принося людям радость, укрепляя их веру в будущее, в бессмертие творческого труда.

Леонид ВОЛЫНСКИЙ,
Виктор ПЕРЕВОЗЧИКОВ

ПО РЕЦЕПТАМ МЕЩАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. ОЗЕРОВ

Есть книги, которые ни одного дня не залегают в магазинах и которые очень трудно получить в библиотеке, — они постоянно на руках, интерес к ним никогда не иссякает. Это еще немногочисленные произведения о личной жизни советского человека, его быте, семье, любви. В этой области, ныне неотделимой от общественной жизни, немало сложного и примечательного. В ней отчетливо проявляются и красота новых отношений, нравственный рост советского человека, и пылая сила пережитого старого, борьба с которыми здесь оказывается особенно трудной. Успех приходит к тем книгам, авторы которых смело ставят жгучие моральные проблемы и решают их в соответствии с жизненной правдой. Не случайны популярности «Журбиных» В. Кочетова, плес А. Арбузова, пристальное внимание общественности к повести В. Тендрякова «Не ко двору», в некоторых рассказах С. Антонова, Ю. Нагибина. И, напротив, легкомыслие или спекулятивное обращение к «модной теме» мстит за себя особенно жестоко. Об этом приходится вновь напомнить в связи с публикацией романа К. Львова «Лена» (книга первая), тем более, что вокруг него развернулись оживленные споры.

В романе мы находим ситуацию, которая не может не заинтересовать читателей. Здесь рассказана история молодых ученых — Елены Корниловой и Артемия Решетова, которые оказались близки друг другу. Оба не свободны: Елена замужем, Решетов женат, и возникшая любовь приносит им немало трудностей и испытаний. Двусмысленность их отношений, необходимость таиться от окружающих мучительны для Елены еще и потому, что Решетов отвергает такую бы то ни было духовную близость между ними. А тут еще ее безразличность, тяжелая болезнь... У Решетова же — легкомысленное увлечение, неожиданно для него перерастающее затем в настоящее чувство к Елене. Случай действительно сложный, так порой происходит в жизни, и неправильно закрывать глаза на это.

У нас появляется немало книг, авторы которых либо вообще обходят интимные отношения людей, либо описывают какую-то анонимную любовь, бесстрастную, расуочную, не похожую на то большое чувство, которое непрошенным врывается в жизнь человека. И можно было бы позавидовать Елене, решившись показать силу такого чувства, если бы ей удалось соблюсти жизненную и художественную меру, выдержать логику характеров своих героев.

Сцены, написанные с ощущением жизненной правды, такие, как разговор Елены с милиционером в Александровском саду или размышления Андрея об измене жены, свидетельствуют о творческих возможностях автора. К сожалению, подобных страниц немного, роману не хватает естественности в описании чувств и переживаний людей.

Как утверждает автор, Елена, при всей своей мягкой женственности, человек очень предприимчивый, требовательный к себе и другим. Эта женщина много знает и понимает, у нее сильно развито чувство собственного достоинства, круг ее интересов широк и многообразен. Станет неясным, почему такая женщина — принципиальная, умная, энергичная — проявляет бездумную покорность перед фатально обрушившейся на нее «роковой страстью», почему она моментально теряет голову, слыша банальнейшие слова Решетова. В любви Елена насильна и безвольна, она охвачена страстным мятением, ею безраздельно овладевает чувство растерянности, «как у загипнотизированного, когда ему назовут то, что приказано однажды забыть». Она все время живет, словно в гипнотическом сне, непонятном наваждении, сама поражаясь, как неискоренима в Решетове «страшная мужская сила порабощения». Но так ли держалась в жизни реальная Елена с ее незаурядным характером? Она не захотела бы перенести те грубые оскорбления, которыми осыпает ее Решетов, она не могла бы так долго и трусливо уклоняться от объяснения с мужем. Схематично очерчен и Решетов.

В нашей действительности еще встречаются люди, правильно решающие деловые вопросы, умеющие непохоже работать и в то же время резко отделившие свою «служебную» жизнь от «частной». В отношениях к друзьям, семье, женщине эти люди нередко оказываются мелкими, нечестными, и это не особенно их смущает: ведь «частная жизнь», кому какое дело до нее! Однако в социалистическом обществе подобная мораль неизменно встречает осуждение, как пережиток буржуазных нравов. В этом убеждает пример с Решетовым, который в общественной жизни считался передовым человеком и «не умел любить себя. Только в одной области, в области чувства, все было в нем размылено, раздроблено, ничтожно». В романе он искал лишь легких, мимолетных связей, в женщине не хотел видеть товарища.

К. Львова не удалось передать реальной пропорционности, истинной сущности этого характера, хотя задуман он верно. Писательница подчеркивает у своего героя

не только большие таланты исследователя, но и цельность натуры, добрые, душевные побуждения, даже рассуждает умилительно историей, как он помог потерявшемуся на улице робинку найти мать. Однако в отношении с окружающими — любимым учителем профессором Прокофьевым, Еленой, ее мужем, лаборанткой Тасей — Решетов оказывается личностью низкой, злобной, бездушной. Он ни минуты не считался с Еленой, с ее чувством, не останавливался перед грубыми оскорблениями этой женщины. Правда, после случившегося с Еленой несчастья (она попала под машину) в душе Решетова происходит перелом. Он посылает «ответственность за то, что им внушено такое неповадное, сильное чувство», проявил бурную энергию, чтобы спасти Елену. Как и в других случаях, духовная «перестройка» Решетова автором не раскрыта, показана внешне, если не считать многочисленных самобичеваний, которым чрезвычайно охотно предается герой романа (дело доходит до того, что он пугает руку мужу Елены). И образ этот развивается в представлении читателя: писательница изображает человека эмоционально не развитого, а мы видим фигуру резко отрицательную, морально ничтожную.

К. Львова проводит мысль о том, что подобные отношения не могли принести людям ничего, кроме нравственных страданий Елены. Мысль справедливая, и рассказ об этом взволновал бы читателей, стал по-хорошему поучительным, не будь он очень условным, надуманным. Не зная, как поступит с Еленой, автор в самый ответственный момент толкает ее под автомашину. Нам пока неизвестно, как развернется действие во второй книге романа, но в конце первой писательница, видимо, в соответствии с высказанной в адрес своей героини мыслью, что «страдания очищают ее страсть», фактически полностью реабилитирует Елену.

Для того, чтобы глубоко и правильно раскрыть такую сферу жизни человека, как его чувства и переживания, зачастую очень интимные и трудно уловимые, нужна большая писательская зоркость и чуткость, развитый художественный вкус. В изображении же К. Львова эмоциональная жизнь советских людей выглядит убогой и примитивной, культура их чувств крайне низкой. Вместо сложной душевной драмы автор социалет мелодраматические сцены, с дурноадаптированными выкриками, холодными страстями. Писательница следует не правде жизни, а нахлупавшим литературным образцам. Это видно уже из того, как она изображает отношения героев.

Любовь в романе К. Львова — какая-то темная сила, извечный неодолимый инстинкт, «роковая» страсть, перед которой пасует человеческий разум. Это — постоянный жесточенный подинок мужчины и женщины, любящих и ненавидящих, мучающих один другого. При встречах Елена казается, что Решетов ненавидит ее, да и сама она ни к кому не испытывает большой нежности и отчуждения, чем к чему; расставались они «полные тяжелой злобы», «совсем как враги»; во время последнего объяснения Решетов говорил «с безвешеством», «отражая свою побуду», «им дивило одно желание — метить ей — метить за ее бесопытность перед ним, за свою беззастенчивость от ее детской прямоты, от ее чистых глаз, тревожащих «го совестью...». Настал момент, с которого «власть перешла в его руки. Он может расправиться, как пожелает, с тем, что в ней создавалось с таким мучением. Хозяином становился он, тайна переставала существовать».

И она увидела, что он — грубый и жестокий хозяин.

«Власть», «хозяин», «расправа», «любовь-пытка», «любовь-терзание» — старыми, декадентскими, по сути дела, взглядами на отношения мужчины и женщины вест от этих слов. Невольно думаешь, что подобная книга могла бы появиться и лет сорок — пятьдесят тому назад. В этом убеждает и манера, в которой она написана, — претенциозная, жеманная манера, характерная для канушей, казалось бы, в луту мешанской литературы той поры.

Душевные состояния персонажа романа изображены упрощенно примитивно и грубо приманившие. Во время сильных переживаний их обязательно охватывает дрожь, они смертельно бледнеют; если испытывают радость, то, разумеется, жалуются; страх — мучительный; злоба у них бешеная; смотрят они дико и т. д. и т. п. А с какой художественной безвкусицей изображены порывы чувств! Стоило Елене подумать о любимом, и «сердцебиение оглушило ее»; после первого объятия «блаженство и отчаяние одновременно пронзили ее»; встретилась она с Решетовым — «лицо озарилось «неизъяснимым блаженством».

Деловая «красивость», тривияльные упрощения сочетаются в книге с натуралистическими образами, а душевные котания — с ложной значительностью псп-

хологических характеристик. После того, как Елена поговорила с профессором Прокофьевым о философии, она почувствовала не что иное, как «равновесие, какое вернул он ее мыслительной жизни, всегда требующей общения, ответного отзвука». Малопонятная тирада начет «общения» находит развитие, когда Елена вспоминает, что так и не поговорила с профессором о своем личном деле, а Решетову. Слова высказываются глубокомысленно: «Это главное — ее личное — оказалось грубо несовместимым с тем направлением, в каком протекало ее общение с учителем. Немисливо было бы даже вообразить, как вторглось бы это личное — этот орожденный, трепещущий кусок самой глубинной, сократовой от чужого глаза, жизни — в холодоватый, ясный и прозрачный поток их общения». После этого уже не удивляешься, читая, как легко и непринужденно распоряжаются герои романа всей сферой психической жизни. Увидевшись с Решетовым, Тася на ходу «вспоминает строй (?) своих чувств». Применительно к Елене автор также с серьезным видом утверждает, что «одна минута может изменить весь состав (?) чувств».

С эмоциональной малоработностью в книге соседствует малоработность литературной фразы, в ней немало неряшливых, неуразумных фраз, вроде таких: «Я умру от вас», «вытнутое к ней лицо девушки», «мысли не складывались в голове», «не пуская в себя мысль».

Стоит ли после всего этого удивляться, что автор потерпел поражение в нужной самой по себе попытке показать нелегкую душевную драму двух людей.

Не менее серьезен и другой недостаток романа: узкий, односторонний взгляд на нашу действительность. К. Львова не сумела передать реальной атмосферы, в которой живут сегодня ее герои, ее книга лишена характерных примет времени. Правда, она претендует на многогранное освещение жизни Елены и Решетова, выставляя их в качестве людей творческих, увлеченных смелыми научными изысканиями. Но как согласиться с этим, читая скучные, отрывочные описания лабораторий, где работают Корнилова и Решетов, или торопливый, незамысловатый рассказ о защите Еленой диссертации, или перегруженные специальной терминологией сообщения о темах исследований? Вот как «включается» в художественную ткань книги «производственная» тема. Готовясь отстаивать свою новую работу, Елена думала: «Сегодня решится все. Она знает, что ее новая работа значительна. С мыслью об Артемии Решетове она готовила ее. Он еще раз увидит блеск ее мысли. Это всегда волнует его».

Столь же упрощенно развивается и «философская» линия романа. В нескольких сценах герои обсуждают теоретические труды, разговаривают о жизни и мировоззрении интеллигенции, выражают свое отношение к различным течениям в философии. Однако механически введенные в повествование сцены выпадают из его контекста, чаще всего это самые общие декларации, к тому же высказанные персонажами совсем не к месту и в высшей мере примитивно.

Следя своему замыслу, автор имел полное право сосредоточить основное внимание на личных взаимоотношениях героев. Если в том, что в их изображении видна все та же камерность, выключенность из общественной «взаимосвязи», Поразному складываются отношения между людьми, и как одна из реальных ситуаций, заслуживает внимания художника и та, которую изображала К. Львова. Достоинство, однако, удивления, что писательница не увидела в окружающей жизни ни одной крепкой и дружной семьи, основанной на любви и взаимопонимании. Писательница Эристел, проповедующая неспиритную распущенность, злобно высмеивает верных жен, для нее это синоним мешанской скуки и серости, и читатель легко улавливает фальшь ее слов. Однако они отнюдь не опровергаются системой самих образов. Что стоит эти верные жены, изображенные в романе! Судя по рассказам Решетова, его жена на редкость неинтересный человек, с которым и поговорить-то не о чем; на измены мужа она отвечает одной привычно-равнодушной фразой: «Твое дело». Супруге профессора Прокофьева Наталье Эростовне не в чем утешиться своего мужа, но посмотрите, как омецанилась в благополучном семейном существовании неглупая сама по себе женщина.

Линейный живых характеров, написанный по рецептам низкопробной мешанской литературы, роман К. Львова лишь компрометирует большую тему личных взаимоотношений людей. А тема эта очень важна, наша литература должна смело к ней обращаться, разрабатывать ее художественно правдиво и психологически убедительно.

Братский привет всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1955 года)

Дружба

Евгений ВОРОБЬЕВ

Тот, кому минувшим летом посчастливилось быть на открытии нового моста через Дунай, надолго сохранит в памяти волнующие подробности торжества, все его патетические детали.

Ветер, вобравший в себя всю свежесть и ароматы речного простора, развеивал флаги над стальными пролетами моста. Флаги колышались, трепетали и стружились, то бесшумно опала складками, то вновь расправляла полотнища и натягивала их с такой внезапной силой, что начинало подпрыгивать дерево. Но даже здесь, на мосту, ветер не мог оступить воздуха, раскаленного зноем.

С болгарского и румынского берегов навстречу друг другу двинулись делегации. На самой середине моста рядом, почти касаясь друг друга плечами и дружески улыбаясь, стояли два пограничника. Здесь же была протянута шелковая лента: в этот момент она играла роль пограничного шлагбаума. Но вот лента разрезана — рукопожатия, объятия, поцелуи, приветственные возгласы, смех, крик, несущийся из сердца, переполненного восторгом.

Ближайший в Европе двухэтажный мост по праву назван мостом Мира. Он навечно связал берега Дуная, чудесно приближая друг к другу румынский порт Джурджул и болгарский порт Русе. Некогда эти берега были разделены враждой и недоверием правителей двух стран. ныне мост Мира служит сотрудничеству между Болгарией и Румынией, между всеми балканскими странами.

А флаги Румынии, Болгарии, СССР, Венгрии, Чехословакии и Польши, флаги, которые в тот день развеивались над фаворитом Дуная, были воздвигнуты в знак того, что открытие моста Мира — общее торжество, совместная победа соседей. Не только румыны и болгары соорудили этот мост. Им на помощь пришли советские специалисты. Отдельные пролеты моста изготовили и смонтировали чехи, поляки, венгры.

Памятником дружбы народов высятся величественный мост через Дунай, и никто не пройдет по мосту на поезде или на машине, никто не пройдет под мостом, чтобы снова и снова, мысленно или вслух, не воздать хвалу его строителям. Их связали злые друзья, такие же прочные и нежалеющие, как стальные арки моста.

Точно так же служат свою службу построенный недавно мост дружбы на реке Ользе — он соединил чешский город Тешин и польский город Пешин. И совместным праздником после совместного труда было открытие моста через Дунай у чешского города Комарно. Два бригадира — чех Франтишек Кулка и венгр Юнош Сегети направились по стальной балке навстречу друг другу, чтобы на середине Дуная пожать друг другу руки.

Но разве только мосты обладают этой драгочинной способностью сблизить соседей? Сколько незримых мостов и дорог, сколько невидимых, но крепких нитей протянулось между странами демократического лагеря! Многообразные формы сотрудничества, которое порождено добрососедскими отношениями свободных народов.

А ныне это — «страна мостов». Подводный Одер (по-польски — Одра) несет свои мирные воды, реку бороздит буксир и баржи под флагами Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики. Одер — не только символическая граница мира, но и оживленная водная магистраль. Она трудится на благо трех соседних государств.

Лонган нашего катера рассказал, что, когда на берегу Одера во Франкфурте начал звонить колокол, его мелодия хорошо слышна и на польском берегу. Это — «Колокол мира и дружбы». Он был отлит на ерелетах трудящихся Германской Демократической Республики и торжественно передан городским властям Франкфурта-на-Одере, как символ дружбы и сотрудничества двух народов. А когда Одер угрожал весной немецкому берегу опасным наводнением, когда дамы оказались под напором, когда паводок грозил катастрофой, на поезде поспешили польские рыбаки и минеры. Они подорвали торосы льда, ликвидировали угрозу.

Гидростанция на реке Ораве в Словакии утешает жажду из водохранилища, которому насчитывается всего два года от роду. Новорожденное высокогорное озеро разлилось на границе Словакии и Польши, в Високих Татрах. Когда вы стоите на гребне высочайшей Оравской плотины, то горы на севере уже — польские. Вода, которая питает турбины, образовалась от таяния как «словацкого», так и «польского» снега. И накануне пуска гидростанции ее строители были озабочены тем, чтобы как можно скорее дать электрический ток за границу, в польские деревни Яблонку, Хыжне, Нижнюю Линицу. Мы пришлое быть и в горных деревушках Словакии и таких же деревушках Польши, где живут горцы — гурали. И вот в это каменное захолустье, где облака часто закрывают долины, где низкорослые, приземистые дома лепятся только к южным склонам гор, где окна обращены только на юг,

где на крышах лежат валуны, чтобы эти крыши не сорвало снежной метелью, — там загляди электрические лампочки, заговорили радиоприемники и приездкий киноэкран впервые осветил бездушно простую избушку. Спасибо, большое вам спасибо, добрые соседи, живущие за границей!

Знатный бетонщик Юрий Морачник и другие строители гидростанций на Ваге и его притоке Ораве делились со мной мечтой — поработать на Дунае. Вот бы где совместными усилиями нескольких стран соорудить мощную гидростанцию, подобную станциям на Волге, на Днестре или Ангаре! Пусть воды бурной Оравы и бурного Вага, текущие в Дунай, поработают еще раз и с силой ударили в лопатки турбин, пусть венинутся тихий голубой Дунай!

Советский опыт хозяйственного и культурного строительства несет в себе заряд огромной силы, он оплодотворяет страны лагеря демократии и мира и в то же время обогащает сам, заимствует у соседей много поучительного, интересного, полезного. Достижения каждого народа в той или другой области экономики, культуры становятся достоянием и других стран-соседей. И видел чешских инженеров и мастеров на стройке электростанций в Румынии и Польше. Юноши и девушки из Болгарии и Албании учатся в Праге, в старинном Карловом университете, где еще читал лекции Ян Гус. Венгерские крестьяне по-хозяйски знакомятся с работой земледельческих кооперативов в Румынии. Польские камешники демонстрируют свой метод кладки кирпича на строительстве домов в демократическом секторе Берлина. Китайские учителя изучают школьное дело в Чехословакии. Румыния шлет в Польшу семена лучших сортов кукурузы, и вот уже в окрестностях Люблина и Жешува зеленеют первые кукурузные поля. Все-таки кукуруза наталкивается на недостаток опыта у крестьян и на избыток слесарь суевений и предрассудков, но тем не менее кукуруза быстро приживается на польской земле, все увереннее чувствует себя на северном новоселье.

Радостно наблюдать, как с каждым днем растет и ширится взаимное обогащение культур народов-соседей, живущих в добром согласии и дружбе. Какие драгоценные плоды дает это «перекрестное опыление»!

Никогда прежде в странах народной демократии не печатались столько книг, переведенных с других языков. Русский язык, русское искусство в этом взаимном обогащении культур играют выдающуюся роль. А в ряд с русскими, советскими писателями, композиторами, художниками, в ряд любимых и близких друзей становятся выдающиеся деятели культуры и искусства других народов, неизменно выросла их популярность. Все шире круг читателей и почитателей Шандора Петфи за пределами Венгрии, Аламы Мичкевича — за пределами Польши, Михаила Эминеку — за пределами Румынии. Мария Нуйманова, Анна Эгерер и Никола Вацаров потрясают сегодня сердца не только чехов, немцев и болгар. Никогда прежде театры не ставили столько пьес, переведенных с других языков, столько опер, чьи либретто издавали адала переводчиков. И вот Карадзале и Фредо, Дворжак и Моношю приобретают тысячи и тысячи благодарных слушателей, зрителей.

Никогда прежде не устраивалось столько фестивалей, всевозможных конкурсов, выставок, турниров, концертов, матчей с участием артистов, певцов, художников, музыкантов, скульпторов, архитекторов, спортсменов из соседних республик.

Давно ли мы впервые услышали многие чешские, венгерские, румынские, польские песни! А ныне всюду можно услышать венгерскую песню «Журавли», или румынскую песню «Мариника», или польскую «Букувечку», или чешские песни, полные добродушного юмора. В Пшещине — длинная тама до самого горизонта тесно заставлена нефтяными вышками — и не раз слышалась песня советских нефтяников — «Богата нефтью страна родная». Она зазвучала в Пшещине из далекого Баку и стала любимой песней румынских нефтяников. А где только не расцветал сегодня своих зарезанных трелей румынский «Жаворонок», где не танцуют веселый хороводный танец «Сперинку»?

Никогда прежде в этих странах нельзя было услышать столько радостных песен и смеха, нельзя было увидеть столько улыбок, столько плясок, полных веселого удальства.

В Трансильвании я слышал поговорку: «К дому, где поют, подходите без опаски — там живут добрые люди». Такая огромная радость, где звучат песни и где живут добрые люди, предвещает перед нами лагерь мира и демократии, великое содружество людей, которые говорят на разных языках, но кровно связаны между собой общностью великих целей и бессмертных идеалов.

Миллионы людей стали хозяевами своих стран, кузнецами своего счастья — все бывшие безработные и безземельные, безграмотные и бездомные, безопалые и беспризорные, все «лишние руки» и «лишние рты»; все, кто пас чужих овец, пахал чужую землю, гнул спину на заводчика, все, кто сымалывался работая под землей, в шахте, кто жил в батраках, «в люлах», все, кто не имел детства и не доживал до глубокой старости.

Десять месяцев довелось мне прожить в странах народной демократии. И чем дольше там живешь, чем больше путешествуешь, чем шире становится круг знакомых и новых друзей, тем больше видишь драгоценных примет и признаков нерушимой дружбы народов. Эта дружба спаяна кровью, пролитой в боях с фашизмом, эта солидарность скреплена цементом великого строительства новой жизни, социализма.

И чем больше размах этой стройки, чем труднее добито это счастье, чем больше жертв потребовала завоеванная победа, тем сильнее решимость народов отстаивать свое счастье.

Народы отстаивают мир от тех, кто хочет не строить, а разрушать, кому развалины больше по душе, чем строительные леса, для кого ворон милее голубя, кто пенел предпочитает цементу.

О чем говорят заголовки газет...

Перед нами заголовки статей из газет Китайской Народной Республики, других стран народной демократии. В этих заголовках отражена непреклонная воля трудящихся создать и развивать тяжелую промышленность — основу могущества, обороны, благосостояния, основу новой жизни. Китайские газеты (слева вверху) рассказывают: в Цзямыси строится мощная теплоэлектростанция («Дагуаньбао»). Крупнейшая гидроэлектростанция сооружается на юго-западе страны («Гунжуньжэньбао»). Интересно отметить, что только за один прошлый год в Китае дали ток 17 новых и реконструированных электростанций. А в нынешнем году будет введено в эксплуатацию вдвое больше энергетических мощностей, чем в 1954 году. Чехословацкая «Руде право» пишет, что угольный комбайн на шахтах страны стал верным помощником горняка. Польская «Трибуна люду» сообщает, что польские станки экспортируются в далекую Аргентину. Характерно, что машиностроение народной Польши выросло по сравнению с довоенным временем в 8 раз. «Большое металла стране» — призывает румынская газета «Роминия либерэ». Польская «Жиче Варшавы» говорит о строительстве первой гидроэлектростанции на Висле. Страницы болгарской газеты «Отечествен фронт» показывают, что Болгария строит ныне новые электростанции, корабли. Заголовок в корейской «Юдон Симун» (внизу слева) гласит: возрожденный Чендзинский сталелитейный комбинат дает стране листовую сталь.

О чем говорят заголовки газет...

Перед нами заголовки статей из газет Китайской Народной Республики, других стран народной демократии. В этих заголовках отражена непреклонная воля трудящихся создать и развивать тяжелую промышленность — основу могущества, обороны, благосостояния, основу новой жизни. Китайские газеты (слева вверху) рассказывают: в Цзямыси строится мощная теплоэлектростанция («Дагуаньбао»). Крупнейшая гидроэлектростанция сооружается на юго-западе страны («Гунжуньжэньбао»). Интересно отметить, что только за один прошлый год в Китае дали ток 17 новых и реконструированных электростанций. А в нынешнем году будет введено в эксплуатацию вдвое больше энергетических мощностей, чем в 1954 году. Чехословацкая «Руде право» пишет, что угольный комбайн на шахтах страны стал верным помощником горняка. Польская «Трибуна люду» сообщает, что польские станки экспортируются в далекую Аргентину. Характерно, что машиностроение народной Польши выросло по сравнению с довоенным временем в 8 раз. «Большое металла стране» — призывает румынская газета «Роминия либерэ». Польская «Жиче Варшавы» говорит о строительстве первой гидроэлектростанции на Висле. Страницы болгарской газеты «Отечествен фронт» показывают, что Болгария строит ныне новые электростанции, корабли. Заголовок в корейской «Юдон Симун» (внизу слева) гласит: возрожденный Чендзинский сталелитейный комбинат дает стране листовую сталь.

Фотоотпечаток А. Жигомирского

Захария СТАНКУ, румынский писатель

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В 1950 году в Амстердаме, в издательстве «Негасус» вышел мой роман «Босой» в переводе на голландский язык. Перевод был выполнен тщательно и любовно писателем Тейном де Фризом, с которым я познакомился в 1949 году в Москве. Прогрессивная голландская печать во главе с «Де ваардей» поддержала книгу, заинтересованные читатели.

Реакционная печать не пренебрегла к прямым нападкам, но вельсичи старалась притупить остроту книги. Буржуазные голландские критики приводили множество доводов, чтобы убедить читателей в том, что румынский автор — восточный сказочник с пылкой фантазией, что ничего из описанного в книге в действительности не происходило и не могло произойти в наш век в Европе. Жизненный материал романа «Босой», говорили эти критики, — выдумка. Пусть голландские читатели читают, если найдут необходимые, книгу дундского писателя, но пусть не доверяют ему.

И не раз я признавался и здесь должен признаться, если хотите, не без огорчения, что я лишен фантазии и совершенно не умею выдумывать. Все, что я написал и пишу, основывается на пристальном и постоянном наблюдении жизни и людей. Больше того: роман «Босой» я вынашивал более двадцати лет, но он никогда бы не поучился таким, если бы моя родина не стала народной республикой и если бы я не получал от партии идеологической и моральной поддержки.

Одним из первых произведений новой румынской литературы явился роман выдающегося румынского писателя Захария Станку «Босой», изданный в конце 1948 года. Этот роман о мрачном прошлом трудового крестьянства в буржуазно-помещичьей Румынии пользуется широкой известностью не только на родине автора, но и за рубежом. Он переведен на многие языки.

Мы публикуем статью Захария Станку, в которой он рассказывает о своей поездке вместе с голландскими журналистами на места действия романа.

Голландские гости отметили: «Крестьянин-бедняк в числе 11.000 крестьян был убит в восстании 1907 года. Сын его — председатель коллективного хозяйства, основанного в бывшем имении убитый».

Узнав о нашем приезде, поспешили прийти повидать нас один старик, в широкополой соломенной шляпе, в черной фуфайке, высокой, сухощавый, но держался он все еще прямо. На лице его, покрытом глубокими морщинами, были заметны шрамы.

— Били меня в 1907 году, после восстания, жандармы. На теле у меня еще и теперь остались шрамы. И на лице, как видите, сохранились. Я — член коллективного хозяйства, все мои сыновья, внуки и правнуки — тоже. Сорок шесть человек из моей семьи — члены коллективного хозяйства. Часть молодых — парни и девушки в город уехали.

Вокруг нас собралось десятки людей. Много удивительного узнали голландцы, а именно: в селе, испытывавшем самую бесчеловечную эксплуатацию, самое жестокое угнетение, где прежде никто не умел читать, — в этом селе работает несколько школ с двадцатью четырьмя учителями и шестьюстами учащимися, что шестнадцатью юношей и девушками села обучаются в городе в высших учебных заведениях.

Мы побывали в селе у Олга, где у меня были родственники и друзья детства. В Ломе культуры как раз готовились к празднику 23 августа. В библиотеке мы застали несколько десятков юношей и девушек, читавших книги и журналы. Посетили замечательную больницу. Молодой врач принял большого больного. Неподалеку от больницы — аптека. На окраине села готовились к открытию родильного дома. Члены коллективного хозяйства с гордостью показывали нам свои достижения. Они говорили нам, что все это досталось им без труда, что есть еще недостаток. И немало. Но что они знают о них и стремятся устранить их.

Через нашим отъездом из Мындры члены коллективного хозяйства предложили голландским гостям просматривать материалы старого дела — материалы судебного процесса, по которому привлекались крестьяне села в уездном трибунале в 1907 году в Турну-Магурае. Пожестившие листы хранили записи — следствие судебных органов, обвинительную речь прокурора, судебный приговор...

После освобождения нашей родины Советской Армией крестьяне Мындры отпривели в трибунал, отыскали папку с документами и принесли ее в село.

Голландские гости убедились, что я — не выдумщик безблизд.

Всякий зарубежный гость, который приезжает в Румынскую Народную Республику, может увидеть поступь новой жизни, которая все больше набирается сил. Те, кто мог прочесть хотя бы часть нашей литературы, ясно видят, что мы, румынские писатели, черпаем вдохновение из нашей действительности, богатой великими делами.

Члены коллективных хозяйств в Мындре и в других селах, описанных в романе «Босой», и в этом году напрягают все силы, чтобы отработать у земли больший и лучший урожай, чтобы построить себе лучшую жизнь, создать большее изобилие.

Об этих старинах, об их труде я собрал материал для романа, над которым я работаю. Роман этот будет не трагической фреской недавнего прошлого, а книгой о настоящем, полной света, как полны света все наши победы, которых у нас все больше и больше. Если и этот роман после появления будет переведен на голландский, я не удивлюсь, что буржуазные журналисты опять будут кричать, что я рассказываю сказки. Ведь дело буржуазной прессы — лгать, лгать непрестанно, без стыда.

Книга начинается так: «Тудо-о-о, отворй ворота...». Открываются ворота в бедный крестьянский двор, и начинается действие. В действительности открываются низенькие, темные ворота в мир старой буржуазно-помещичьей Румынии, где мучались миллионы бедняков, но не терли надежды.

Одна из глав книги, носящая название «Ужкая и глубокая борода», повествует о крестьянских восстаниях 1907 года. Когда я опубликовал роман, я еще не был знаком с документами, появившимися чуть позже, — потрясающими документами о восстаниях, о репрессиях государственного аппарата буржуазно-помещичьей власти, об убийстве 11.000 крестьян, смерти которых были старики, женщины и дети. Я пользовался только собственными воспоминаниями. Реальные события, пережитые мною в детстве, были расцвены буржуазной голландской критикой, как измышления, как плод буйной фантазии...

Я уже почти забыл об этом происшествии, когда осенью 1953 года, в августе, во время Всемирного фестиваля молодежи, мне напомнили о нем два голландских журналиста, посетившие меня.

— Нам хотелось бы, — сказал один из них, — ознакомиться с селом, описанным в «Босом», разумеется, если это село существует, и областью, где происходило действие вашего романа. Так хочется узнать, что послужило основой для книги — действительно события или «восточная фантазия».

Я сказал то, что думал: что рад их предложению.

На следующее утро троим мы отправились на машине, и к полудню уже были в области, расположенной у Дуная и Олга. Был один из дивных золотых дней конца лета. На живые бескрайнего поля тут и там постукивали тракторы. Мы проезжали через села, залитые ослепительным светом солнца. В селениях, расположенных вдоль дороги, мы останавливались.

— Что здесь находится? — Государственное сельское хозяйство. — В прежние времена для чего служили эти постройки? — Была боярская усадьба. — А здесь что? — Машинно-тракторная станция. — А прежде что было? — Боярская усадьба...

Когда мы проехали Александрию и попали в область, описанную в «Босом», я стал воссоздавать в памяти роман, главу за главой. В Спэтаре, в Олде, в Дране все здания, принадлежавшие при королевской власти барам, теперь до последнего чертика были распределены между крестьянами. Гигантские массивы образовали государственные или коллективные хозяйства. Барские дома и крупные поме-

Щеца стоит при впадении Одра в море, и когда поднимаешься на катере вверх по Одеру, навстречу то и дело вылетят баржи. Они нагружены углем, что называется, «по уши» — только руль и будочка рулевого виднеются над водой.

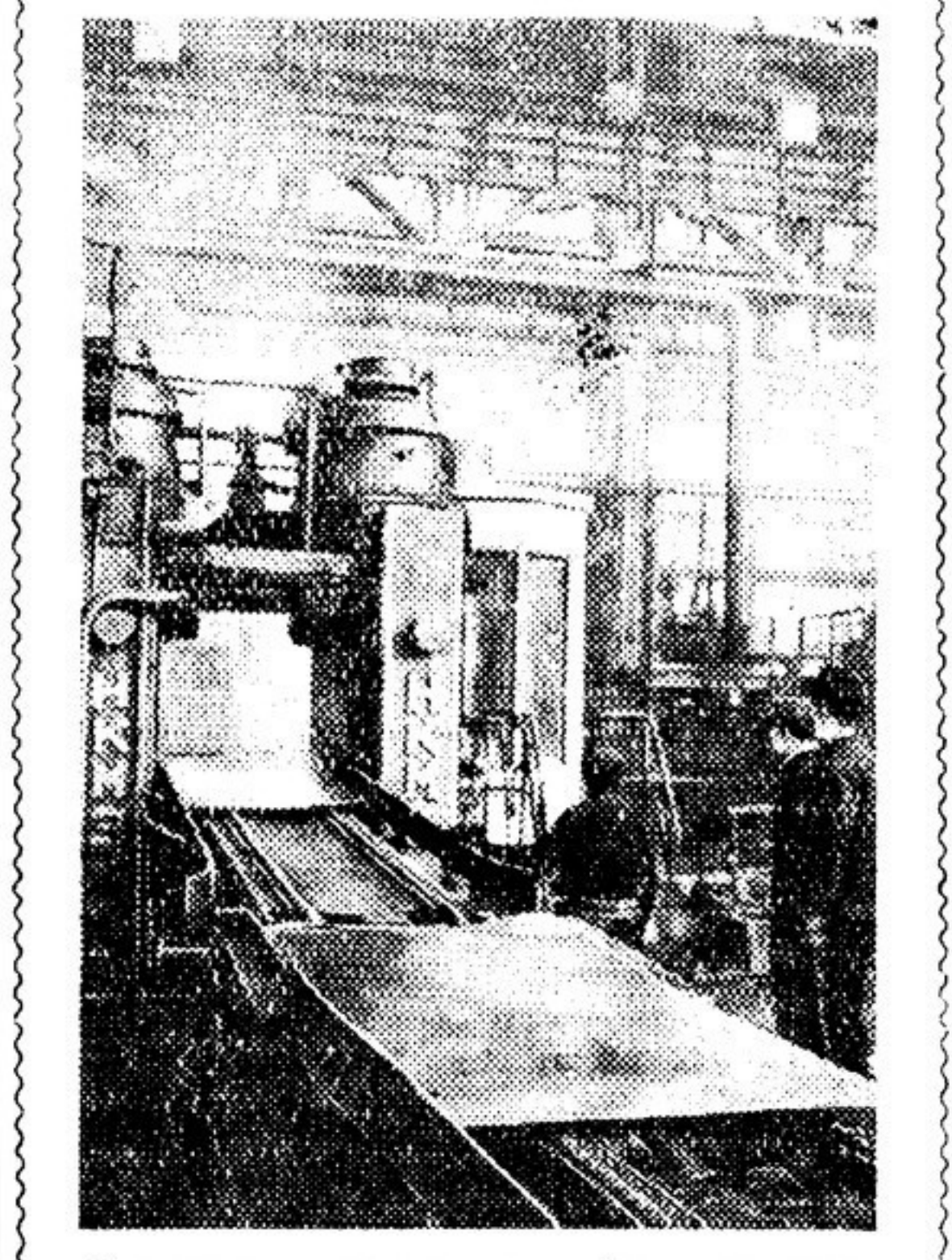
И сегодня вновь и вновь мысленно возвращаешься к тем дням, когда Одер был водной преградой, когда весной 1945 года войско форсировало советские войска. Вель это здесь, именно здесь, десять лет назад воевали наши старые знакомые, разделившие из романа Э. Казакевича «Весна на Одер»! Здесь они переплывали Одер, здесь они стирали свои гимнастерки...

А ныне это — «страна мостов». Подводный Одер (по-польски — Одра) несет свои мирные воды, реку бороздит буксир и баржи под флагами Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики. Одер — не только символическая граница мира, но и оживленная водная магистраль. Она трудится на благо трех соседних государств.

Лонган нашего катера рассказал, что, когда на берегу Одера во Франкфурте начал звонить колокол, его мелодия хорошо слышна и на польском берегу. Это — «Колокол мира и дружбы». Он был отлит на ерелетах трудящихся Германской Демократической Республики и торжественно передан городским властям Франкфурта-на-Одере, как символ дружбы и сотрудничества двух народов. А когда Одер угрожал весной немецкому берегу опасным наводнением, когда дамы оказались под напором, когда паводок грозил катастрофой, на поезде поспешили польские рыбаки и минеры. Они подорвали торосы льда, ликвидировали угрозу.

Гидростанция на реке Ораве в Словакии утешает жажду из водохранилища, которому насчитывается всего два года от роду. Новорожденное высокогорное озеро разлилось на границе Словакии и Польши, в Високих Татрах. Когда вы стоите на гребне высочайшей Оравской плотины, то горы на севере уже — польские. Вода, которая питает турбины, образовалась от таяния как «словацкого», так и «польского» снега. И накануне пуска гидростанции ее строители были озабочены тем, чтобы как можно скорее дать электрический ток за границу, в польские деревни Яблонку, Хыжне, Нижнюю Линицу. Мы пришлое быть и в горных деревушках Словакии и таких же деревушках Польши, где живут горцы — гурали. И вот в это каменное захолустье, где облака часто закрывают долины, где низкорослые, приземистые дома лепятся только к южным склонам гор, где окна обращены только на юг,

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет 1 мая

В листопрокатном цехе Альбанского металлургического комбината